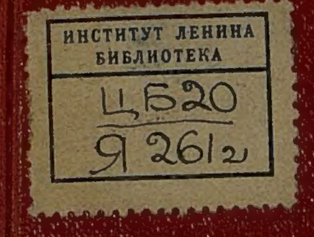
Ядринцев Н

Иллюзия величия

3 экз



Н. Ядринцев

ИЛЛЮЗІЯ ВЕЛИЧІЯ

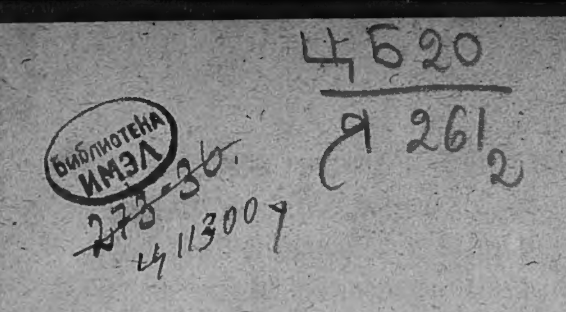
и

НИЧТОЖЕСТВО

РОССІЮ

ПЯТЯТЪ НАЗАДЪ

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, Rue du Rhône, 68
1891



ИЛЛЮЗІЯ ВЕЛИЧІЯ И НИЧТОЖЕСТВО.

Было время, когда Россія казалась Европѣ какимъ-то колоссомъ, который ее удивлялъ и устрашалъ. Европа незнала ея силъ. Что-то грозное, загадочное казалась ей на Востокѣ европейскаго міра и на границѣ азіатскаго. Это нѣчто все болѣе и болѣе разросталось и казалось конца не было расширенію его владѣній. Точно также для Европы былъ загадаченъ и своеобразенъ складъ этого народа, начавшаго формироваться въ большое, политическое тѣло. Отсутствіе поземельной собственности у крестьянъ и общинныя формы, открытыя Гакстгаузеномъ, наклонность къ артельности, ассоціаціи бросило совершенно особый свѣтъ на будущность этой страны. Ея развитіе казалось оригинальнымъ и настолько своеобразнымъ, что можно было допустить предположеніе, что цивилизація здѣсь получитъ особое проявленіе, и европейскій идеалъ, слившійся съ этими формами, дастъ неожиданные плоды.

Въ противовѣсъ европейскимъ политическимъ союзамъ зародилась на Востокѣ идея *панславизма*, заставлявшая Европу безпокоиться. Общинный поземельный бытъ, русскій крестьянскій міръ какъ бы осуществлялъ уже формы европейскаго соціализма. Онъ приводилъ въ восторгъ русскихъ идеалистовъ и они тыкали имъ Европѣ въ глаза, услаждаясь что мы переростемъ ее. Затѣмъ грозная колоніальная политика на Востокѣ и въ Азіи, постепенное наступательное движеніе къ Индіи заставили задуматься даже Англичанъ. Съ одной стороны покушеніе на Константинополь, а съ другой на Индо-Китай — шутка сказать! Наконецъ владѣнія отъ береговъ сѣверной Америки до Балтійскаго моря, отъ Лапландіи до Хивы могли соперничать даже съ англійской колоніальной имперіей и съ Испаніей въ самое цвѣтущее ея время. Народъ исторически молодой, жадно схватившійся за европейскую цивилизацію и въ лицѣ Петра I-го, Екатерины II-ой и Александра I-го и II-го обнаружившій западныя симпатіи, давалъ надежду, что это полуазіатское государство, обѣщаетъ быть настолько же просвѣщеннымъ и европейскимъ, какъ другіе народы. Необнаруживши особенно живыхъ наклонностей къ парламентаризму и не ушедши далеко въ просвѣщеніи, загадочный славянскій міръ далъ ученыхъ, поэтовъ, имена которыхъ не безъизвѣстны стали Европѣ; гораздо живѣе обнаружилась въ немъ воспріимчивость къ европейской техникѣ, и Россія оцѣпилась весьма быстро желѣзными дорогами, въ европейскомъ смыслѣ дававшими задатки къ промышленному прогрессу. Такова была Россія еще недавно въ глазахъ европейца.

Время однако шло и Европа уже изъ одного чувства

самосохраненія должна была изучить грознаго сосѣда, а также измѣрить его силу. Прошло нѣсколько лѣтъ и, странно, Европа уже не боится своего грознаго сосѣда. Крымская и за тѣмъ турецкая война обнаружили, что сосѣдъ, если силенъ и многолюденъ, но далеко неискусенъ и весьма мало опасенъ. Какая нибудь Пруссія можетъ показать гораздо болѣе силы и искусства. Русскій генералъ какъ индѣйскій пѣтухъ только напускаетъ на себя важность, но его стратегемы дальше Николаевской Академіи нейдутъ. Идеи панславизма не пугаютъ никого, въ нихъ не вѣрятъ и сами они оказались вздоромъ.

Ходили къ „братушкамъ", волновались, шумѣли и въ заключеніе ихъ продали и обругали. Идея панславизма еще менѣе имѣетъ значенія по примѣненію къ загубленной Польшѣ, котарая ненавидитъ Россію, не смотря на племенное родство. Славянское государство заключаетъ вдобавокъ такіе инородческіе элементы, начиная съ остзейцевъ, финновъ и кончая монголо-татарами, что назвать его чисто славянскимъ не представляется никакой возможности.

Послѣ освобожденія крестьянъ община сильно измѣнила свой складъ, выдвинулось кулачество, появились обезземеленные крестьяне и въ Россіи обнаружился тотъ же аграрный вопросъ и безземелье, которое считалось только язвою Запада. Община на экономическомъ пути не сдѣлала прогресса, она дальше отъ ассоціаціи, чѣмъ европейскій крестьянскій міръ. Крестьянство также отстало въ культурѣ какъ 100 лѣтъ назадъ, бѣдно при крѣпостномъ правѣ. Идеалисты начали разочаровываться въ общинѣ и вмѣсто общенниковъ появились „марксисты." Европу также неудивишь теперь общиной, въ которой въ

ней видитъ весьма первобытную форму. Взятіе Константинополя и походъ на Индію оказались празднымъ пустозвонствомъ. Прапорщикъ хотѣлъ уничтожить „турку;“ пропалъ, думалъ „турка.“ Но онъ не пропалъ.

Азіатскія владѣнія: Туркестанъ, Амуръ и Забалкайскія пріобрѣтенья даютъ государству убытокъ и обезсиливаютъ его бюджетъ. Наконецъ приходится постоянно опасаться за Амуръ и приносить ему жертвы. Обширныя азіатскія владѣнія стали помѣхой. Что же остается отъ русскаго величія? Была вѣра когда-то въ русскую національную идею и славянофильскій идеалъ, но славянофильство съ послѣдними могиканами Аксаковыми и Самариными отжило свой вѣкъ; нео-славянофильство въ русской печати, даже неславянофильство, а глупое самодовольство, поощреніе всякихъ предразсудковъ и презреніе къ другимъ народностямъ, исходящее не изъ силы, а изъ невѣжества, свойственнаго варварскимъ націямъ. Русское западничество и стремленіе къ европеизму также потерпѣло крушеніе со времени реакціи съ 60-хъ годовъ. Все, что приближало Россію къ Западу—реформы прошлаго царствованія, то сознано „ошибкою.“ Машина дала задній ходъ, и неизвѣстно куда двигается теперь этотъ поѣздъ безъ разумнаго машиниста и съ множествомъ тормазовъ, которые однако не предупредили крушенія царскаго поѣзда. Словомъ старыя иллюзіи совершенно исчезли; въ внутренней жизни обнаружился азіатскій застой. Чѣмъ же теперь хвастаться передъ Европой и гдѣ прежній богатырь? Покойный Щедринъ прекрасно изобразилъ этого богатыря. Богатырь лежалъ въ лѣсу и кто его видѣлъ, дивился его росту и комплекціи. Вотъ гдѣ силища-то, говорили! Слухи о богатыр-

ствѣ богатыря даже въ чужія земли проникли. Но вздумалось кому-то подойти поближе и коснуться богатыря. Глядь, а онъ давно иструхъ: голова отвалилась, руки тоже. Вотъ этотъ-то богатырь, котораго давно изъѣли муравьи и всякіе гады, богатырь, отъ котораго осталась только труха — это и есть нынѣшняя Россія.

Понятно, что Европа перестала теперь интересоваться этимъ Галіафомъ на глиняныхъ ногахъ. Русскихъ газетъ заграницей не читаютъ, русскихъ книгъ даже въ магазинахъ нѣтъ. Для Европы это большая азіатская страна, восточное королевство, въ которомъ нѣтъ ничего, чтобы заинтересовало европейца, и связывало жизнь съ Европой. Даже интересъ скандала и тотъ утратился. Кто незнаетъ, что въ Китаѣ китайщина и бамбуки, въ Турціи шнурокъ, а въ Россіи полицейскія палки и розги. Но если Европа, живя своей жизнью и питаясь своей культурой, можетъ забыть о существованіи Россіи, то не мѣшаетъ русскимъ людямъ подумать, чѣмъ стала эта имперія, что стало съ ея величіемъ и какой историческій моментъ переживаетъ она.

Николаевская Россія исчезла и не возвратится, она исчезла вмѣстѣ съ обаяньемъ силы; Александровская обновленная Россія также исчезаетъ и стирается. Чѣмъ же характеризуется настоящая эпоха, какое названіе дать ей? Мы видимъ, что эта эпоха застоя, разложенія и внутренняго и внѣшняго безсилія. Если можно выразить однимъ словомъ положеніе Россіи, то это слово будетъ „ничтожество.“ Такова она для Европы, такова она для всякаго образованнаго человѣка.

Послѣ величавыхъ такъ или иначе мечтаній славяно-

филовъ, послѣ пережитой эпохи національнаго николаевскаго шовинизма, послѣ недавняго періода освобожденія крестьянъ и реформъ явился періодъ, который не только не являетъ какой либо высокой идеи, опредѣленнаго міросозерцанія, цѣльности и цѣлосообразности, но отличается полнымъ отсутствіемъ какихъ либо историческихъ и общечеловѣческихъ идей и стремленій, и наполненъ только— внутренними противорѣчіями и всякими непослѣдовательностями.

Чѣмъ напримѣръ сталъ русскій національзмъ и славянизмъ, который выразился рьяно въ ненависти къ нѣмцамъ и Германіи и который кончился трусливѣйшей политикой и чуть не заискиваніемъ у нѣмцевъ? Въ чемъ выразилось пристрастіе ко всему русскому, ознаменовывающее нынѣшнее царствованіе? Не выразилось ли оно только въ поддевкахъ, да барашковыхъ шапкахъ и костюмированныхъ балахъ при дворѣ въ русскихъ охабняхъ. Но развѣ это идея? Ненависть къ другимъ національностямъ, стѣсненіе нѣмцевъ, покушеніе лишить Финляндію ея правъ, обрусеніе Литвы и Польши, стремленіе ввести русскій языкъ и дать первенство православію. *) Вотъ, намъ скажутъ, чѣмъ ознаменовывается русская политика. Но любопытно знать, изъ какихъ расчетовъ вытекаетъ эта травля разныхъ иновѣрцевъ, живущихъ въ имперіи. Чѣмъ и какой идеей вызваны эти лестные для русскихъ подданныхъ названія: полячишки, жидишки, нѣмчурки, чухны и т. п. Но подъ этимъ презрѣніемъ скрывается не столько сила, сколько

*) Борьба противъ нѣмцевъ и евреевъ кончилась весьма комично. Нѣмцы остались на всѣхъ высшихъ мѣстахъ, а евреи — тѣми же банкирами. Гоненіе нѣмцевъ озлобило только Остзейскій край и превращаетъ его въ Польшу.

безсиліе. Безсиліе это выражается во первыхъ тѣмъ, что эти національности продолжаютъ существовать, но государство, вмѣсто того чтобы быть терпимымъ и создать себѣ друзей, создаетъ внутри у себя враговъ, постепенно раздражая и стѣсняя національности. Что же, это клонится къ самоусиленію или къ самоослабленію? Въ этомъ отношеніи наша національная политика какъ разъ отступила отъ исторической политики своей, политики, которая создала могущество и которая присущая была величію. Присоединенныя части государства и иныя племена и народности нуждались во всемъ мірѣ въ терпимости, въ гарантіяхъ человѣческихъ правъ и въ огражденіи этихъ правъ законами. Государство имъ это гарантировало и это была государственная политика. Какъ же назвать политику совершенно обратную. Есть ли она національная или антинаціональная, т. е. идущая въ разрѣзъ съ интересомъ государственной Россіи? Мы думаемъ, что она такая и есть т. е. расходящаяся и съ здравымъ смысломъ и съ исторіей.

Эта забывчивость, не знаніе и игнорированіе своего историческаго прошлаго, ряда опытовъ и исторической мудрости есть характерная черта новаго времени. Умные государи и государственные люди не желали раздражать присоединенныя народности, они сохраняли за ними нѣкоторые права. Вотъ откуда вытекло сохраненіе льготъ Финляндіи, ея конституціонныхъ правъ, отсюда вытекала защита и покровительство разноплеменнымъ инородческимъ племенамъ, уже покореннымъ. Даже московскіе цари въ своихъ приказахъ воеводамъ повелѣвали не раззорять покоренныхъ новыхъ подданныхъ. Екатерина II, имѣя понятіе уже о европейской колоніальной политикѣ, и желая привлечь

симпатіи разныхъ племенъ, вызвала депутатовъ отъ инородцевъ въ законодательную коммиссію. Правительство желало оставить свободу культа и вѣры язычникамъ, магометанамъ и буддистамъ, такъ какъ гоненіе на вѣру самая опасная вещь и можетъ возстановить болѣе всего народности. Правительство понимало прежде, что, присоединивъ разныя племена, чтобы они не отложились, не стали искать покровительства у сосѣдей и не соединились съ врагами, нужно дать ручательство этимъ племенамъ, что ихъ вѣрованіе и обычаи останутся неприкосновенными, что они найдутъ покровительства у Россіи болѣе. Нужно было показать финляндцамъ, что Россія будетъ болѣе другомъ ихъ, чѣмъ Швеція. Чтобы предупредить влеченіе къ магометанскому центру въ Азіи и къ Китаю среди турокъ и монголъ, правительство дало льготы мулламъ и другимъ представителямъ инородческихъ культовъ. Оно создало имъ центры и іерархіи внутри Россіи, чтобы предупредить внѣшнія вліянія и влеченія. Все это былъ прямой государственный расчетъ и здравая политика самосохраненія, предупреждающая распаденіе государства и бунты.

Теперь внезапно все это признано политикой слабости и ошибками. Современные государственники, не понявъ даже смысла исторіи, раскритиковали и осудили, что не въ состояніи были понять. Явилось желаніе уничтожить культы, дать ходъ одному православію и обрусить инородцевъ. И это желаютъ такъ поступать не съ одними беззащитными инородцами полудикарями, язычниками. Нѣтъ! это требованіе начало предъявляться и къ христіанамъ другихъ исповѣданій и къ католикамъ полякамъ и къ нѣмцамъ реформатамъ, неговоря уже о гоненіяхъ на

несчастныхъ муллъ, раввиновъ и т. п. Русское правительство забыло и не понимаетъ, что культы не уничтожаются приказами и гоненіями, оно не имѣетъ понятія съ какими вѣрованіями оно вступаетъ въ борьбу.

Оно не знаетъ, что даже ханы монгольскіе, покоряя народы, были терпимы къ вѣроисповѣданіямъ и, создавая политическое могущество, оставляли вѣровать всѣмъ по своему. Вооруживъ давно католичество, у насъ теперь начали травить пасторовъ, ожесточать магометанъ. Къ чему это поведетъ въ политическомъ отношеніи, предоставляемъ судить людямъ со смысломъ, но что это не поведетъ къ торжеству православія и къ поднятію значенія русскаго попа, далеко нестоящаго на высотѣ своего призванія, это несомнѣнно. Даже языческій міръ замыкается подъ вліяніемъ гоненій, а не только высшіе осмысленныя культы. Гдѣ нѣтъ духовнаго преимущества, нравственной чистоты, силы идей, тамъ искусственными мѣрами понужденій и гоненій ничего не сдѣлаешь.

Покушеніе обрусенія и привитія языка явилось столь же мало осмысленнымъ и грубымъ. Заставить народы и племена измѣнить языкъ, это задача, передъ которой спасуютъ всѣ лингвисты на свѣтѣ. Вѣка проходятъ, и народы, измѣняя даже рассу, сохраняютъ языкъ. Русскіе новые обрусители не такъ думаютъ. Они не расчитываютъ на воспитаніе, на силу образованія и на тѣ культурныя средства, которыя примѣняли другіе народы. Перевоспитать и повліять на народы въ духовномъ отношеніи можетъ только цивилизація; чтобы народъ усвоилъ и принялъ другой языкъ, нужно чтобы въ немъ находились культурныя преимущества. Почему австрійскіе нѣмецкіе славяне

воспринимали нѣмецкій языкъ? Да потому, что цивилизація нѣмцевъ стояла выше и здѣсь находился цѣлый источникъ духовнаго развитія и образованія, отъ котораго отворачиваться нельзя. Но что дастъ Россія остзейцамъ, финляндцамъ, полякамъ, влеченіе которыхъ создалось къ европейской цивилизаціи, а не азіатской? Чѣмъ подкупитъ ихъ Россія? И какими грубыми необдуманными мѣрами приводится это обрусеніе, какими выходками оно сопровождается! Для того, чтобы убѣдиться, достаточно просмотрѣть послѣдній циркуляръ попечителя къ остзейцамъ по поводу введенія русскаго языка въ школахъ. Во первыхъ, все это приказано сдѣлать въ три года. Предписываю вамъ и т. д. По истеченіи этого срока, еще публикуется предостереженіе, что всѣ учителя, невыучившіеся порусски, будутъ изгнаны. За тѣмъ весьма смѣло и деликатно высказана слѣдующая истина: кто не выучится русскому языку въ три года, тотъ покажетъ свое тупоуміе и неспособность къ образованію. Вотъ какъ! замѣтьте, что это требованіе примѣнено тамъ, гдѣ населеніе говоритъ только понѣмецки и напрактиковаться среди этого населенія порусски не представляется никакой возможности. Но для русскаго администратора все кажется возможнымъ, потому что и отъ языкознанія онъ требуетъ ефрейторскаго послушанія. Что если бы такое требованіе было предъявлено наоборотъ къ русскому человѣку, ну хоть во время монгольскаго нашествія: „невыучиться монгольскому языку означаетъ *тупоуміе*! Не слишкомъ ли уже пересолили? За то всѣ знающіе русскій и незнающіе ни одного иностраннаго языка, безсомнѣнно люди надѣленные всякими совершенствами. Никогда еще національное самообольщеніе не-

доходило до такого абсурда. Торжественно напыщенное провозглашеніе такихъ истинъ вызываетъ только взрывы гомерическаго хохота у нѣмцевъ.

Пренебреженіе ко всякому другому языку и литературѣ вытекло изъ начавшагося чуранья отъ всего европейскаго и западнаго. И здѣсь совершонъ полвый разрывъ съ прошлымъ, съ стремленіями Петра I, Екатерины, Александровъ I и II, а именно самыхъ образованныхъ государей, желавшихъ сдѣлать Россію европейскимъ государствомъ. Все западное и европейсиое стало ненавистно только потому, что одно западное и европейское. Всѣ формы западнаго быта, все что пробовали привить реформы Александровскаго времени, все это сочтено ложнымъ, ненужнымъ русскому человѣку, который какъ бы идетъ своею дорогой. Въ этихъ антизападническихъ и антиевропейскихъ предубѣжденіяхъ упущено изъ виду только одно: Западная культура и цивилизація привлекала русскаго образованнаго человѣка не потому, что она *западная* и *европейская*. Предполагается новыми мудрецами, что Россія сто лѣтъ дѣйствовала по такому глупому подражанію. Между тѣмъ западная и европейская культура была дѣло общечеловѣческое и міровое. Другой нѣтъ культуры и цивилизаціи. Европейская цивилизація удовлетворяла общимъ человѣческимъ стремленіямъ и инстинктамъ. Вотъ въ чемъ были ея преимущество и обаяніе. Начало и принципы этой цивилизаціи были и есть инстинктами всякаго народа, только въ Европѣ они получили опредѣленную формулу. Эта формула заключаетъ вообще право человѣка, его стремленіе къ свободѣ, къ развитію, къ прогрессу. Отрекаться отъ европейской цивилизаціи значитъ

отрекаться вообще отъ цивилизацiи человѣческой. Вотъ что стало девизомъ и гордостью азiатской Россiи.

Но любопытно знать, къ чему же это поведетъ, какiе новые пути цивилизацiи откроетъ Россiя, каковы ея неисповѣдимые пути, чѣмъ она гордится и что она совершила въ области культуры. Старые идеалы и иллюзiи славянофильства и панславизма, какъ мы сказали, пали, вѣра славянскаго идеализма и русскаго соцiализма также утрачена; въ нея не вѣрятъ радикалы и ее страшатся консерваторы. Западничество оплевано, что же остается. „Гдѣ же твой идолъ стоитъ?“ спросимъ словами поэта. Кто этотъ могучiй генiй, который открылъ новые пути Россiи? Катковъ, гр. Толстой, Побѣдоносцевъ, или все это теперь лежитъ въ сердцѣ Дурново и извѣстно только въ канцелярiи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и нигдѣ болѣе. Не доставало, чтобы изъ исторiи сдѣлать канцелярскую тайну и успокоиться.

Чтобы отречься отъ европеизма, нужно было создать что либо новое. Парламентаризмъ, свобода печати, свободная наука, неприкосновенность личности, независимость суда и т. п. считается западными пороками, отъ которыхъ избави Богъ Россiю. Ну а что же считается благомъ для Россiи? Какiе права, какiя благодѣянiя сулятъ русскому народу въ будущемъ, увѣряя его, чтобы онъ не помышлялъ и не боялся за свое будущее?

Политическiй строй выходитъ весьма оригинальнымъ и совсѣмъ непонятнымъ для европейскаго ума, да и вообще для обще-человѣческаго. Реставрировать идеалъ автократiи, абсолютизма и священнаго авторитета монарха, заключающаго блаженное всемогущество, всезнанiе, боже-

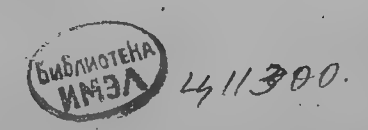
ственную безгрѣшность и безошибочность? Но вѣдь это мифологія; кто же въ нее вѣритъ, кромѣ невежественнаго дикаря. На самомъ дѣлѣ вѣдь совершается совершенно другое. Однако проявленіе чистой автократіи и божественной воли сочтено оригинальнымъ и дало слѣдующіе плоды: всѣ бюрократическія надстройки, всѣ искусственныя коллегіи, совѣщательныя и блюдущія законы купно съ государственнымъ совѣтомъ и правительствующимъ сенатомъ явились ненужными лѣсами около прочной колонны самодержавія. Сохранились имена и зданія только для украшенія столицы. Министерства пишутъ иногда проэкты, работаютъ коммиссіи, вопросы обсуждаются сотней людей, дебатируются въ государственномъ совѣтѣ и вдругъ въ концѣ все рушится. Богъ соглашается съ выдвинувшимся меньшинствомъ. Все лѣтитъ кубаремъ. Такъ въ послѣднее время было съ нѣсколькими проэктами и реформами. Такъ шлепнулась Кохановская коммиссія, шедшая даже на всякія уступки съ своими „волостелями," такъ провалилась реформа уложенія о наказаніяхъ, такъ прошелъ забракованный всѣми проэктъ Толстого о земскихъ начальникахъ. Зачѣмъ же всѣ эти государственныя учрежденія, зачѣмъ этотъ огородъ и насаженная капуста, предшествовавшей исторіи? Но вѣдь единая воля—это только иллюзія. Кто изъ государственныхъ людей не понимаетъ, что въ статуѣ стоитъ жрецъ и что совершается воля не одного, а цѣлой камарильи, какой-то скрытой лиги. Кто же она? Почему же эти имена, ведущія Россію неисповѣдимыми путями, скрыты и они не несутъ никакой отвѣтственности. Почему Побѣдоносцевъ, Филипповъ и К° не желаютъ дѣйствовать открыто на свой страхъ? Это очень выгодно, безопасно, но кто же долженъ

играть роль мишени всего, что они совершатъ. Неужели тотъ, кого они увѣряютъ, въ своей преданности?! Какъ это благородно и главное прочно! Говорятъ, что будущая Россія должна быть „дворянской," здѣсь опора и сила государства, вторая опора —правленія. Но когда же Россія не была дворянской и что для нея сдѣлало дворянство? Чѣмъ явилось это дворянство послѣ 19 февраля и потери въ большинствѣ своего имущества, людей и даже земли? Что такое сословіе съ перезаложенными землями, сословіе требующее безконечныхъ субсидій, тратъ, подарковъ и т. д., и лишенное всякой способности поддержать само себя? Это не сословіе, а иллюзія и фикція, не имѣющая почвы въ исторіи. Обанкротившееся дворянство ищетъ политическаго могущества, но что же оно съумѣетъ справить, не съумѣвъ справиться даже съ своими „заманиловками" и „мон-репо." Что это за сословіе, дрожащее предъ аукціонами, находящееся даже въ рукахъ кулаковъ, Разуваевыхъ, постоянно трепещущее предъ ростовщиками. Каковы его стремленія и патріотическія цѣли? Понятно, что ему не дотого. Ему нужно кушать и жуировать. На это нужны деньги. Вотъ источникъ новыхъ должностей всякаго рода, мѣста губернаторовъ и новой машины „земскихъ начальниковъ." „Земскіе начальники" вотчинная полиція, смѣшеніе суда и администраціи въ рукахъ бонъ-вивановъ и прожившихся помѣщиковъ, вотъ послѣднее слово политической мудрости. Съ начала до конца все здѣсь комично и непредвидѣнно. Никто не знаетъ, что это будетъ за институтъ, ибо разнородные обязанности и сумбуръ, созданный здѣсь смѣшеніемъ функцій, остается недоступнымъ для пониманія. Призываются губерна-

торы и имъ говорятъ: — „скоро для облегченія власти и поддержки вы будете имѣть земскихъ начальниковъ, обязанности ихъ вамъ объяснитъ г. Дурново.“ Но г. Дурново не творилъ ихъ, онъ получилъ наслѣдіе отъ умершаго Толстого, и ему оставалось сказать, что объяснить это можетъ только покойный графъ. Но онъ промолчалъ и бросилъ только въ пространство тоскливые взоры. Никто не знаетъ, что съ этимъ будетъ. Нѣкоторыя губерніи отказались представить кандидатовъ въ земскіе начальники. Этимъ только могъ выразиться протестъ. „Прекрасно! воскликнули въ министерствѣ, мы назначимъ своихъ.“ И вотъ цѣлая толпа бѣдныхъ дворянъ въ Петербургѣ ждетъ новыхъ мѣстъ и протекціи, не думая даже, что она будетъ дѣлать въ провинціи. Да и за чѣмъ думать? жуютъ у Палкина, жуютъ у Дюссо и новое содержаніе и новые бутерброды. Вотъ и конецъ реформы, вотъ и спасеніе!

И всему этому приносятся въ жертву новые судебные уставы и земскія учрежденія, 20 лѣтъ устраивавшія школы и больницы, міровые судьи, правильная юстиція, тѣ залоги новой жизни, которые дѣлали свое дѣло. Никто не желаетъ знать ихъ итоговъ.

О могуществѣ православія не хочется и говорить. Оно должно замѣнить по новой программѣ науку, просвѣщеніе, передовое интеллигентное сословіе въ Россіи. Но что же такое духовное сословіе въ Россіи? Кто не знаетъ русскаго попа, никогда неигравшаго авторитетной роли. Вѣдь это не католическое духовенство, хорошо сплотившееся, искусное и умное въ своихъ папахъ. Русскій священникъ или слишкомъ жалокъ, или продаженъ. Его духовное вліяніе слабѣе, чѣмъ вліяніе муллъ и раввиновъ. Такимъ



его сдѣлала исторія. Остается внѣшняя обрядность — декорумъ. Но когда же религія держалась одною внѣшностью и долго ли она такъ удержится. Мифологическое міросозерцаніе и мистика народная не есть еще религія. Это духовенство, постоянно жалующееся на недостатокъ средствъ, духовенство съ продажными консисторіями съ отъѣвшимися архіереями и крайне испорченнымъ, распущеннымъ монашествомъ, развѣ можетъ составить силу. Ему желаютъ предоставить воспитаніе народа. Но для этого оно должно имѣть призваніе, энергію, а духа этого ему не вложить. Оказывается, что проэктъ „приходскихъ школъ" гдѣ духовенству предоставили показать свою силу, былъ жалкою пробою. Пропившіеся діаконы не могли замѣнить земскихъ учителей — тружениковъ. Школы духовенства остались мечтою Побѣдоносцева. Попъ-іезуитъ и негодяй имѣетъ власть уничтожить земскую школу, но ничего не въ силахъ создать.

Нѣтъ болѣе проявленія общественной мысли, нѣтъ броженія; жизнь интеллигентнаго класса уничтожена, университеты зажаты новыми уставами, вольномыслящіе профессора вытѣснены въ отставку, молодежь дисциплинирована „въ новыхъ мундирахъ." — Знаете, эта форма значительно измѣнила студенчество," — недавно говорили въ Петербургѣ, смотря на по гвардейски одѣтыхъ студентовъ въ замшевыхъ перчаткахъ. Классическая система по видимому изморила щедушное тѣло дѣтей и задавило всякое проявленіе свободныхъ силъ, спокойствіе повидимому обезпечено. Это итоги системы нѣсколькихъ лѣтъ. Казалось бы все это такъ. Но нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ гдѣ нибудь и прорветъ. Мы не знаемъ ничего о политическомъ состо-

яніи умовъ, благодаря крѣпко запертымъ воротамъ Петропавловской крѣпости и негласнымъ процессамъ. Но броженіе видимо не прошло. Нѣтъ, нѣтъ да и засуетятся жандармы и таинственныя кареты проскачутъ съ печальнымъ торжествомъ. А тамъ гдѣ-то раздался задушенный стонъ, гдѣ-то выстрѣлъ, что-то булькнуло въ воду, а потомъ таинственное безмолвіе и паника. Какая завидная тишина! Даже въ арміи не совсѣмъ спокойно. Хотя идутъ парады и войска маршируютъ, но вотъ вдругъ оказывается, что нѣкоторые офицеры неблагонадежны. Открыты военные заговоры. Кто бы ожидалъ этого отъ дисциплинированной арміи, давшей однако Суханова и многихъ подобныхъ. Артиллеристы и моряки давно въ опалѣ и заподозрѣны. Послѣ этого можно ли ручаться за спокойствіе.

Проявленіе общественнаго темперамента? Повидимому онъ угомонился. Но нѣтъ, нѣтъ да среди общей тишины обыватель безъ всякой видимой причины и влепитъ себѣ пулю въ лобъ, оставивъ какую то неопредѣленную записку о душевной пустотѣ или безцѣльности жизни. А то обыватель явится къ частному приставу и выразитъ скромное желаніе:

— „Ваше высокоблагородіе позвольте въ кутузку! — За чѣмъ же мой милый!—Такъ-съ, возьмите, жить тяжело! — Да вѣдь вы же ничего... — Да пока ничего, а все же кто знаетъ; нѣтъ, вы ужь позвольте.

Это предпочтеніе маленькой тюрьмы большой тюрьмѣ, все чаще является въ протестѣ тоскующей души и неуспокоенной совѣсти. Таково напримѣръ проявленіе русской натосковавшейся писательницы Цебриковой. Иногда человѣкъ сойдетъ съума, ну тогда въ сумасшедшій домъ.

Студенчество и университеты только повидимому спокойны. Событія показали, что нѣтъ-нѣтъ гдѣ нибудь и раздастся плюха, какъ выраженіе глубокой признательности за систему педелей и шпіонство. Студенты и студентки на прежнемъ положеніи подъ особымъ надзоромъ полиціи. Мало того, они отданы подъ надзоръ дворниковъ и хозяекъ, во всякое время могутъ быть приглашены въ полицейскій участокъ. Какой почетъ учащемуся сословію, какое поощреніе просвѣщенію, какое уваженіе къ образованію и сколько здѣсь деликатности въ обхожденіи съ молодою неиспорченною натурою. Проституція гораздо болѣе пользуется въ Россіи покровительствомъ, чѣмъ учащееся сословіе.

Мундиры не спасли университеты, какъ доказало студенческое движеніе нынѣшней вѣсной. Въ Москвѣ панихида по Чернышевскому показала, что система педелей и полиція не изгладила воспоминаній и уваженія молодежи къ великимъ людямъ своего отечества. Цѣлый рядъ протестовъ въ университетахъ навлекъ „кутузку“ и много жертвъ. Студенчество между тѣмъ не было на почвѣ революціи, оно искало духа жизни и человѣческихъ правъ, ему предложили, какъ всегда, норы полицейской части. Отрезвили ли онѣ и удовлетворили ли, трудно сказать. За тѣмъ выключеніе изъ университетовъ и высылки, теперь создаютъ новый горючій матеріалъ. Все послѣдовательно въ смыслѣ системы и конечно остается ждать только новыхъ проявленій. Послѣдніе лучшіе профессора выходятъ изъ университетовъ, за то остаются педели, инспекторы, попечители à la Новиковъ и т. д. Университеты — для чиновниковъ. Нѣтъ дарованій, талантовъ, ученыхъ, но

за чѣмъ же это странѣ, отказавшейся отъ европейскаго прогресса? Есть еще любопытный признакъ времени, какъ результатъ воспитательной системы послѣднихъ лѣтъ. Среди вырождающагося поколѣнія все болѣе проявляется задатковъ психическихъ болѣзней, нервности и за тѣмъ страданіе переутомленіемъ мозга. Какъ замѣчено, поколѣніе 40-хъ годовъ и даже 60-хъ было гораздо крѣпче, выносливѣе, неутомимѣе; оно сохраняло умственную бодрость. До старости таковы были Кавелинъ, Тургеневъ, Кастомаровъ, Чернышевскій и др. Послѣдующее поколѣніе стало слабѣе, оно рано переживало нервную политическую горячку, потомъ разочарованіе, которыя расшатывали нервы и все это происходило притомъ на почвѣ изнуреннаго измученнаго организма насильственной системой классицизма, которая равносильна умственному онанизму. Современное поколѣніе живетъ крайностями, или не думаетъ о судьбѣ отечества или гибнетъ ни за грошъ не сладивъ съ жизненною борьбою. Психическія болѣзни и усталость — печальный признакъ въ средѣ интеллигенціи, когда мы вспомнимъ какъ неутомимо работаютъ ученые на Западѣ до глубокой старости и сколько творятъ. Все зависитъ отъ нормальной психической обстановки.

У русской интеллигенціи отнято духовное питаніе. Книги подлежатъ цензурѣ и строгому выбору; цѣлые отдѣлы литературы, существующіе на западѣ, недоступны русской интеллигенціи; таковы книги, по исторіи, религіи, по позитивной философіи, по рабочему вопросу, по исторіи соціальныхъ теорій, книги естественно-историческія и антропологическія, въ которыхъ затрогивается вопросъ о происхожденіи человѣка и развивается теорія Дарвина, нако-

ніцъ масса книгъ историческихъ, по исторіи великой французской революціи и исторіи движеній въ Европѣ; запрещены многія политико-экономическія сочиненія.

Такимъ образомъ, русскій образованный человѣкъ не имѣетъ понятія объ успѣхахъ европейской науки и жизни. Такое запрещеніе совершенно непонятно въ Европѣ. Само собою, что русскій человѣкъ является отсталымъ и невѣжественнымъ предъ европейцемъ. Политическая цензура журналовъ — еще большая, и иностранецъ знаетъ болѣе о Россіи сокровенныхъ вещей, чѣмъ русскій. Въ такое положеніе ставитъ цензура русскаго человѣка, обрекая его на арестантскую пищу; для простого же народа опять особая литература и фильтръ. „Народная литература“ —значитъ урѣзанная литература Россіи. Журналы и книги допущенные и пропускаемые такъ окромсаны и въ такихъ тискахъ, что теряютъ всякій интересъ и русскій читатель естественно чувствуетъ отвращеніе къ своей книгѣ и журналу, гдѣ онъ знаетъ зарапѣе, что не найдетъ ничего интереснаго и правдиваго. Это насиліе жестоко!

Въ Россіи есть масса типографій, но печатаютъ они только ярлыки для кабаковъ и реестры.*) Конечно не далеко уйдетъ страна при такихъ условіяхъ. Радѣніе русскаго правительства по отношенію къ книгамъ, похоже на дѣйствія тюремщика, который, опасаясь ножа, вывелъ его изъ употребленія, и люди ѣдятъ руками или, какъ въ сумасшедшихъ домахъ, укороченными вилками. Отсутствіе умственной пищи создаетъ застой и тоску у интеллигенціи. Цензура литературныхъ чтеній въ нынѣшнее царствованіе

*) Славится типографіями Вятская губернія, гдѣ всего менѣе издается книгъ. Типографія стала достояніемъ офени и торгаша бумагой.

и публичныхъ лекцій дошла до крайности. Достаточно сказать, что за разрѣшеніемъ приходится обращаться въ полицію и ждать въ прихожей у оберполицмейстера цѣлые часы. Иногда полицейскій чиновникъ пускается въ критику поэтовъ и писателей и выходитъ нѣчто анекдотическое. Когда дѣло идетъ чрезъ попечителя, процедура хуже, чѣмъ чрезъ квартальнаго. Такимъ образомъ положенъ предѣлъ развитію народа и обогащенію его знаніями путемъ публичныхъ лекцій, свобода которыхъ крайне стѣснена. Россія не знаетъ истиннаго ораторскаго искусства и лишена величайшаго наслажденія, какимъ пользуется свободный человѣкъ на Западѣ; ея никогда не волновало настоящее человѣческое слово, не трогало ея сердца, потому что ей играютъ только на деревянныхъ фортепьянахъ и питаютъ казенными рѣчами. Неужели эта участь не несчастна! Непривычка къ заявленію публично мнѣній создала нетерпимость.

Русская пресса — это каланча, на которой лежитъ дозорщикъ караульный съ связанными руками и заткнутымъ ртомъ. Въ этой прессѣ, согнутой, деморализованной, господствуетъ сумятица и просторъ мракобѣсію. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ серьезъ поднимался въ лакейской печати вопросъ: нужна ли Россіи интеллигенція т. е. иначе образованное сословіе; даже русскіе народники и радикалы, видя интеллигенцію праздную и бездѣйствующую, начали отнимать у нея всякое значеніе. Словомъ и радикалы и славянофилы сходились на этомъ только потому, что русская интеллигенція дѣйствительно безсильна и бездѣятельна, но по своей ли это винѣ?... За отсутствіемъ настоящаго простора свѣта и знанія, у русскихъ людей

являются или самобытныя нелѣпыя теоріи или теоріи патологическія, которыя направляютъ политическія движенія въ ложную сторону. Школа, будничная культурная работа отвергаются, потому что нѣтъ имъ настоящаго примѣненія.

На что же обреченъ народъ при такомъ состояніи интеллигенціи? Открещиваніе отъ западничества и конституціонныхъ идей, парламентаризма и общечеловѣческихъ правъ, внесенныхъ реформами прошлаго царствованія, породило тьму, создало особую атмосферу, которая уже даетъ себя чувствовать.

Результатомъ явилось безправіе и возвращеніе назадъ къ старымъ дореформеннымъ нравамъ, и это въ то время, когда у общества развились большія требованія, проявились идеи гуманности, а въ народѣ стало болѣе щекотливости и амбиціозности, какъ результатъ павшаго крѣпостного права и проявленія чувства человѣческаго достоинства. И вотъ къ новому обществу явился старый призракъ николаевскаго бутаря и Держиморды. Лощеная петербургская полиція не прикрываетъ безобразій кутузки и кулачной расправы. Самъ г. Грессеръ, этотъ генералъ извощиковъ,*) на лежачихъ рессорахъ своей коляски, увы! не былъ гарантированъ отъ побитія русскими великими князьями, кутившими съ дѣвицами въ какомъ то ресторанѣ. Дерутся всѣ. Въ этомъ случаѣ характеренъ приказъ командующаго войсками Тихомірова, наклоннаго, говорятъ, очень разыгрывать Суворова. Недавно генералъ Тихоміровъ издалъ

*) Г. Грессеръ преимущественно занятъ упорядоченіемъ извощиковъ, придумываетъ имъ сбрую. Это упорядоченіе и созданіе щегольской упряжи не мѣшаетъ полиціи лупить извощиковъ шашками. Но извощичій генералъ завоевываетъ извощичью славу.

слѣдующій локоническій приказъ: „Говорятъ офицеры дерутся,“ а потому—напоминаніе о дисциплинѣ и о законахъ. Важно здѣсь признаніе. Да, дерутся. Это значитъ, бьютъ жестоко несчастныхъ новобранцевъ рекрутовъ, бьютъ заслуженныхъ слугъ отчества. Это и есть слѣдствіе уничтоженія того духа, того уваженія личности, которое создано было бывшимъ министромъ Милютинымъ. Солдата будутъ бить, а онъ будетъ деморализироваться, онъ опять станетъ забитое, тупое существо, воръ и пьяница. Вотъ и армія!

Второй примѣръ пониженія законности. Недавно Нижегородскій губернаторъ своей властью приказалъ полиціи выдрать мужика и объявилъ о семъ въ приказѣ. Прокурорскій надзоръ протестовалъ, дошло до высочайшаго доклада. Что же послѣдовало? Къ изумленію судебной власти и сената, блюдущаго законы, вышла резолюція „одобрено“. Это рѣшилъ тотъ, кто считается такимъ сторонникомъ и покровителемъ русскаго мужика, у кого манія къ мужичеству доходитъ до облаченія въ охабень и до гимнастическихъ упражненій съ топоромъ въ саду Гатчинскаго дворца. Какъ же это примирить! Любить и драть какъ Сидорову козу! „Люби какъ душу и тряси какъ грушу,“ говорятъ русскіе мужики о своихъ женахъ.

Поступокъ губернатора не позволено было обсуждать печати и статьи о немъ изъ нѣкоторыхъ журналовъ были вырѣзаны. Высшее „одобряю“ явилось сигналомъ къ поркѣ и закономъ. Другой губернаторъ, встрѣтивъ старика мужика, который не посторонился и не снялъ шапки, приказалъ положить его и выпороть, а послѣ хвастался этимъ въ Петербургѣ. Можетъ драть губернаторъ, можетъ драть и полиція. Розги вошли въ моду и не щадятъ никого.

Нынѣшней весной московская полиція арестовала присяжнаго повѣреннаго, а когда онъ запротестовалъ, его взяли и выдрали. Такъ какъ проступокъ, за который былъ взятъ адвокатъ, былъ ничтожный, а возмутительный поступокъ полиціи былъ гораздо серьезнѣе, то адвокатъ и его сотоварищи, конечно, начали протестовать и шумѣть. Но дѣло сначала поступило къ мировому судьѣ и адвокатъ былъ приговоренъ къ 5 руб. штрафа, а о томъ, что его выдрали, это сочтено дѣломъ второстепеннымъ. Общественное чувство не возмутилось. Напротивъ, всѣ обрадовались чему то. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, печать содержанка, сильно ратовала противъ адвокатскаго сословія въ угоду уничтоженія новыхъ судебныхъ уставовъ. Адвоката выдрали! хохотали и радовались въ русскомъ обществѣ, неподозрѣвая, что дѣло не въ адвокатѣ, а въ нарушеніи законовъ, въ возмутительномъ обхожденіи съ личностью. Сегодня выдрали адвоката, завтра можно выдрать всякаго привилегированнаго и интеллигентнаго человѣка. Никто на этой точкѣ зрѣнія не стоялъ. До того можно понизить и деморализировать нравы общества въ нѣсколько лѣтъ.

Не очень давно полиція въ Петербургѣ схватила врача съ женою на улицѣ, не разобравъ дѣла; жена врача была оскорблена на улицѣ; полиція, вмѣсто того, чтобы взять буяновъ, взяла врача и жену, посадила въ клоповникъ, оборвала у женщины платье, вырвала серьги, цѣлыя сутки морила обоихъ и насилу вырвали ихъ изъ полицейской *пасти*. Кончилось тѣмъ, что жена доктора беременная выкинула и послѣ умерла. Мужъ жаловался, но дѣло не появилось въ судѣ. Г. Грессеръ благодаря огромной власти нашелъ про-

текцію, газетамъ запрещено было говорить объ этомъ. Это уже не было дѣло съ адвокатомъ, нѣчто повозмутительнѣе. Но дѣло это такъ и стушевалось въ омутѣ общаго безправія.

Вотъ къ чему привела самостоятельная дорога и нежеланіе внимать Европѣ, вотъ тѣ принципы и нравы, которые создались въ Россіи, исправившей ошибки реформъ прошлаго царствованія! Что это за принципы, нечего говорить, по той простой причинѣ, что они сами за себя говорятъ. Дѣло не въ разговорахъ, когда у всякаго могутъ разстегнуть штаны. Возвращеніе къ административному произволу, къ розгѣ и палкѣ ознаменовалось еще болѣе возмутительно въ расправѣ надъ несчастными политическими ссыльными. Кеннанъ достаточно разоблачилъ обхожденіе съ ними.

Въ Россію статьи Кеннана не допущены и ихъ готовы считать клеветой и республиканскимъ шаржемъ. Но должно сказать, что Кеннанъ, можетъ быть, видѣлъ только одну сотую долю бѣдствій несчастныхъ во время его проѣзда, а сколько еще осталось невѣдомымъ міру! Событія, совершившіяся вслѣдъ за отъѣздомъ Кеннана, только подтвердили его показанія. Двѣ страшныхъ исторій разыгрались: Якутское избіеніе ссыльныхъ и примѣненіе тѣлеснаго наказанія на Карѣ къ женщинѣ, смерть ея и за тѣмъ покушеніе цѣлой группы заключенныхъ лишить себя жизни. Обхожденіе съ государственными преступниками превосходитъ всякое описаніе. Кеннанъ поражался хладнокровіемъ, съ которымъ разсказывали политпческіе ссыльные о своихъ мученичествахъ: десятки погубленныхъ жизней, убійствъ, сумашествій до того стало дѣломъ обыденнымъ, что ему

никто не удивляется. Сердце европейскаго путешественника и не сантиментальнаго янки сжималось отъ жалости. Но русскому правительству кажется все мало. Оно давно поставило ссыльныхъ за убѣжденіе и политическіе преступленія внѣ закона. Теперь оно рѣшило приравнять ихъ къ уголовнымъ ссыльнымъ и примѣнять къ нимъ тѣ же наказанія. То есть ихъ можетъ сѣчь смотритель и этапный офицеръ когда вздумается. Не говоримъ уже о томъ, что здѣсь предполагается смѣшать вора и негодяя съ честнымъ человѣкомъ, иначе, устраняется всякое нравственное мѣрило. Остроумные администраторы забыли о томъ, что преступники политическіе гораздо болѣе ограничены, чѣмъ уголовные; ихъ содержатъ строже, они лишены права многихъ занятій, ограничены въ передвиженіяхъ; за политическимъ постоянный контроль, обыски, осмотры, письма вскрываются. За чѣмъ же нужно увеличивать эту тяжесть. Всякое правительство устанавливаетъ для наказуемыхъ извѣстные предѣлы ограниченій: есть человѣческіе права и для арестанта. У насъ же не то: мошенникамъ и казнокрадамъ, удалившимся съ ворованными деньгами, отлично жилось въ Сибири и они пользовались покровительствомъ жандармовъ, за то политическимъ ссыльнымъ жизнь сдѣлана невыносимой. Отсюда люди начали вѣшаться, сожигать себя живыми и отравляться скопомъ. Это уже не наказаніе, а какая то свирѣпая бойня и безшабашная месть. Вмѣсто извѣстнаго ограниченія свободы — циническое издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ и попраніе всякихъ юридическихъ правъ. Послѣ манифеста объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія, явилось возвращеніе къ „кобылѣ“ и позорное наказа-

ніе женщины при томъ образованной и убѣжденной. Какая бы она свирѣпая не была, хоть бы сама Луиза Мишель, но вѣдь есть же чувство стыдливости, чувство справедливости. Наказаніе ввѣрялось оскорбленному и ожесточенному: истецъ, палачъ и судья соединились въ исторіи на Карѣ и это не первый разъ. Что же это за система? Что за законы? Или это тотъ идеалъ, до котораго надо было дойти, отвергнувъ европейскую сантиментальность.

Волненіе въ общественномъ мнѣніи Англіи и митинги и набатъ прессы показали до чего чувство европейское, было возмущено и оскорблено поступками съ политическими ссыльными въ Россіи. Любопытно было бы знать, что отвѣтило русское правительство, если дѣйствительно спрашивалъ его Гладстонъ о событіяхъ въ Сибири. Конечно, оно отперлось, какъ отпирается отъ всѣхъ фактовъ, приводимыхъ Кеннаномъ. Но тогда гдѣ же достоинство этого государства, отпирающагося и стало быть стыдящагося имъ совершеннаго. Не похоже ли оно на человѣка, сдѣлавшаго гадость, въ которой стыдно сознаться.

Гдѣ же это величіе, сила и достоинство. Мы обрисовали только часть текущихъ дѣлъ и подвиговъ. Но всего неперечислить, мы не упомянули напр. объ уничтоженіи земскихъ статистическихъ комитетовъ, о закрытіи безплатныхъ читаленъ по всей Россіи. Носятся слухи объ уничтоженіи земскихъ врачей, окончательномъ уничтоженіи земства, постоянно угрожаютъ ограниченіемъ юрисдикціи гласнаго суда, уничтоженіемъ присяжныхъ засѣдателей и повѣренныхъ. Очень можетъ быть: расходившаяся рука, безастѣнчивость и невѣжество все могутъ рѣшиться сдѣлать. Но каковъ же будетъ конецъ этой „исторіи.“ Несом-

пѣнно, что гдѣ нибудь должна быть поставлена точка.

Онъ будетъ объазіяченіемъ русскаго государства съ одной стороны и превращеніемъ его въ Турцію. Съ другой стороны — потеря всякаго кредита въ Европѣ. Кредитъ этотъ уже потерянъ.

Послѣ уничтоженія всякаго правосудья и ограниченія судебныхъ уставовъ, въ Европѣ явится вопросъ, поддерживать ли трактатъ о выдачѣ преступниковъ. Вѣдь она уже не вѣритъ русскому суду. Англія говоритъ объ убѣжищѣ политическомъ. Невыдача Гартмана была достаточнымъ прецедентомъ.

Тяжко будетъ тогда, когда европейскіе друзья подкараулятъ Россію и замѣтятъ всѣ ея слабыя стороны, когда обнаружится все ея политическое ничтожество. Англія, Германія и теперь зорко слѣдятъ за тѣмъ, что плохо привязано къ Россіи. Выждутъ минуту—оторвутъ Амуръ, оторвутъ Остзейскій край, Польша сама уйдетъ. Явится расплата. Кто же будетъ виноватъ, кто травилъ и раздражалъ народности? Въ пору кровавой войны какой геній спасетъ Россію, когда все сдѣлано къ тому, чтобы задавить жизнь народнаго духа и таланта. Что сдѣлаетъ жалкій, забитый лишенный образованія народъ. Въ силахъ ли онъ будетъ противостоять просвѣщенному врагу? Такъ должна будетъ кончиться исторія этого кажущагося величія. Такъ совершится урокъ исторіи для государства, пренебрегшаго законами естественнаго человѣческаго развитія, отказавшагося отъ дороги къ цивилизаціи, убившаго всякую духовно-нравственную силу своего народа, а потому доведшаго себя до ничтожества и позора.